

ЧЕКИТА

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

НАТАЛЬЯ НОЛМОГорова
Родилась в 1963 году в Нуйбышевской области (станция Нлявлино). В шесть лет написала первое стихотворение, посвященное маме. После окончания Нуйбышевского педагогического

училища вернулась в родное село. Запоем читала Блона, Есенина, Цветаеву, Ахматову... Вновь за перо взялась уже в зрелом возрасте, когда исполнилось пятьдесят. В репертуаре автора есть и детская, и взрослая лирика,

а также произведения в жанре «Проза». Член Союза профессиональных литераторов (г. Самара). На стихи Натальи Нолмогоровой написано несколько песен.

Лёлька родилась в далеком 1934 году.

Мать разродилась ею, Лёлькой, в срок, напропаченный бабкой-повитухой. Бабка заранее протопила баню по-черному, надела на роженицу Татиану исподнюю рубаху, кинула в топку березового дегтя, чтоб никакая холера к младенцу и роженице не прицепилась.

– Тужься, милая! Дите правильно идет, вперед головкой.

Отец Лёльки в это же самое время сидел подле амбара и, скрутив козью ножку, мял ее в руках, пока не сломал вовсе, так и не поднеся сигарку к иссохшему рту.

– Девка народилась – здоровая, ладная... Имя те-перича с Татианой глядите по Святцам.

Отец зыркнул на повитуху из-под козырька ногового картуза:

– За помощь спасибо, да на кой ляд мне твои Святцы?.. Коммунист я, в Бога не верую. Дочку Чекитой звать буду, в честь ЧК компартии.

– Чаво? Да ты сдурел, никак, Василий! – Повитуха утерла со лба пот, всплеснула сильными, обнаженными по локоть руками и стала похожа на злую куру-наседку.

– Чекита, и баста!

Василий был от рождения упрям, политически подкован и верен идеалам революции. Не зря на заседании правления колхоза его кандидатуру

единогласно утвердили председателем этого самого колхоза «Красный Октябрь».

– С ума вы, что ли, все посходили? У Силантия девку Революцией кличут, у Матроны – Октябриной. Тьфу!

Бабка в сердцах кинула в Василия окровавленное полотенце – «иди, забирай свою красоту» – и заковыляла домой.

Спустя почти полгода в правлении колхоза родителям торжественно вручили выписку из метрики, где синими чернилами по белому было писано: «Чекита Васильевна Прохорова, уроженка села Михайловка Самарской области. Родилась 22 октября 1934 года».

Некогда было родителям пестовать да лелеять дочку.

Отец то на скотном дворе, то в поле, то на партийном собрании. Мать по хозяйству – цыплят кормить, печь истопить, жрать приготовить.

Вся надежда на свекровь, бабку Ненилу.

А Ненила, хоть стара да глуховата, хороший пригляд за малюткой имела: то в зыбку посадит покачать, то куклу в руку даст, то песню затянет.

Куклу для дочки отец выстругал ладную, из чурбачка липового. На голове – косыночка красная, глаза да брови угольком прорисованы.

– Мама, идите с дитём погуляйте, погода как в раю, – просит Татяна свекровку.

– Ась? – откликнется Ненила.

Татиана подойдет ближе, наклонится, крикнет в самое ухо:

– Гулять, говорю, идите! Я покамест зерно запа-рю для поросля.

Ненила негнушима узловатыми пальцами укутает малышку, да айда на улицу. Сама сядет на завалинке, а ребенку старую овчинку подсте-лет – играйся, мол.

Дремлет Ненила на солнышке, а пригреется – уронит на грудь седую голову, не держащуюся на тонкой старушечьей шее; дышит чуть слышно – будто померла.

Глядела Ненила за внучкой, глядела, да недо-глядела... Пока старуха спала, Чекита по жухлой осенней траве доползла до корыта, что стоя-ло поодаль, полнехонько родниковой воды. Так напрочь вся и искупалась девка, с головы до пят... Услыхала Татиана детский крик, выглянула в окно – похолодела от ужаса, будто сама иску-палась в этой ледяной водице. Схватила дочку, дрожащую и в крике зашедшую, и в дом понесла, на теплую печку.

Все бы ничего, только вода в ушки ребятенку попала, и началось у Чекиты страшное воспали-ние. Спихватились, да поздно – стала девочка по ночам кричать от боли, а потом чуть слух вовсе не потеряла. Бабка Ненила изъела самое себя за недогляд, угасла на глазах и вскоре отошла в мир иной, на вечное упокоение...

Как-то раз посадил отец восьмилетнюю дочку с собой рядышком:

– На фронт иду, дочка, фрицев бить. Ты мамке по хозяйству помогай да за сестрами пригляды-вай.

– Надолго, батька?

– Да не-е, не надолго... Вернусь – на дальнюю просеку за опятами пойдём.

– Чаво? За робятами? – Чекита прикладывает к уху ладошку лодочкой, чтоб лучше слышать отца.

– Эх, – горько вздыхает отец и заправляет за ухо дочери длинную прядь волос, а после заглядыва-ет в ушную раковину, будто пытаясь разгля-деть причину Чекитиной глухоты.

На плечах Татианы остались в том сорок треть-ем году Чекита да две сестры-погодки – Верка с Галькой, а четвертым Татиана была брюхата уж почитай как два месяца...

– Мамка-а, мамка-а. – Чекита размазывает слезы по худым щекам. – Мальчишки опять дразнят-ся-ааа!

Мать смотрит вроде бы на дочь, но Чеките ка-жется – сквозь нее.

– Не обращай внимания на дураков-то... Как дразнят?

– «Чекита – в саду калита», а Петька сопливый – «чекушкой»... А-а-а!

Татиана кладет на голову дочери заскорузлую ладонь:

– Галька с Веркой где?

– На речке.

– Иди позови – картоху есть будем да лепешек с лебеды.

Ослушаться мамку – боже упаси!

Чекита уже занесла ногу ступить через порог, но вдруг передумала, развернулась к матери:

– Гальке с Веркой-то хорошие имена дали. Пошто меня Чекитой назвали? За какие такие грехи?

Татиана ничего не отвечает, только гладит свой округлившийся живот.

– Олькой теперь меня кличьте, понятно? Олькой, и боле – никак!

Так и стала с этого дня Чекита – Лёлькой.

Подружки-то быстро привыкли, а с мальчишка-ми пришлось договариваться, и чаще – кулаками. А за детишками вслед и взрослые как-то попривыкли... Только Василий Прохоров так ни разу и не назвал любимую дочку ласковым именем Лёлька, потому как погиб Василий в танковом сражении у села Прохоровка под Ленинградом в сорок чет-вертом году...

– Это куда ж вы на ночь глядя так причипори-лись? – Татиана строго глядит на повзрослев-ших дочерей. – Зорька не доена, сено перево-рошить ишшо разок надобно.

– До клуба идем прогуляться... А Зорьку и Чекита подоить может!

Младшая, Наташка, народившаяся без отца, крутится подле мамкиной юбки и канючит:

– Тюрьку дай, с молочком.

Лёлька в это время просеивает муку через сито – свежую опару для хлеба затевает.

– Лёльку чего с собой не зовете? – хмурит Та-тиана брови.

– Так мы скока звали – она не хочет. – Галька и Верка крутятся перед зеркалом, пожелтев-шим от времени.

Амальгаму давно съела то ли ржа, то ли другая какая зараза.

Лёлька не слышит разговор, но будто спиной чувствует, что говорят про нее. Она поворачивает к сестрам улыбочное, в мелкую веснушку лицо. Чего бы Лёлька ни делала – она всегда улыбается! И то-

гда, когда машет косой на цветущей поляне; и тогда, когда запрягает лошадь в сани; и тогда, когда грузит на подводу неприподъемную охалку сена.

Но взгляд карих Лёлькиных глаз – всегда вовнутрь, будто она старается услышать в глубине своей души то, что другим не под силу.

Может, потому Татiana любит Лёльку больше остальных? А может, за то, что давняя вина, как чирей, не дает матери покоя? А может, потому, что Лёлька – первая в доме помощница?

Лёлька, смеясь, и сама любит повторять:

– Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик!
– Ма-ам-ка-а, – хнычет Наташка. – Тюрки да-ай!

Татiana тяжело поднимается из-за стола, крошит в алюминиевую посуду корку хлеба, заливает молоком.

– Глядите мне, по клубам долго не шляйтесь! – Татiana вновь хмурит тонкие красивые брови. И сама она, Татiana тонкая, стройная, с высокими бедрами, правильными чертами лица – чем не красавица?

– Завтра затемно подыму – огород полить надобно, а после – в поле, картошку полоть.

– Ой, да знаем мы про то и про это! Каждый день – одно и то же, – отвечают дочери и выпархивают на улицу.

– Лёлька, иди Зорьку доить – вон как орет, сердешная, – громко говорит Татiana. – Чевои-то мне сегодня неможется.

– Щас, иду, – отвечает Лёлька и идет в сарай, по звякивая подойником...

Утром Лёлька заглядывает сестрам в глаза:

– Кто вас давеча провожал?
– Ой, Лёлька! Чево в клубе было!.. Мужики самогона жхнули, опосля все передрались. Ваньке Жердяю аж зуб передний вышибли!

– Чаво? – Лёлька по губам говорящих пытается разобрать то, чего не может донести слабый слух.

Но сестры, не заботясь о том, поймут ли их, строчат, будто из пулемета. Лёлька, склонив голову, внимательно слушает пару минут, затем улыбка медленно сходит с миловидного Лёлькиного лица. Она в сердцах пинает пустое ведро, попавшее под руку, и, хлопая дверью, выбегает из избы вон.

И там, за углом амбара, дает волю слезам – горьким и безутешным...

К Лёльке снова сватается старый бобыль Косолапов.

– Иди замуж, Лёлька! Стерпится – слюбится, – увещевает Татiana.

– На кой он мне сдался, старый черт? Я с ним не то что в кровать, на одном гектаре срать не сяду! Мужиков в деревне – ой какой дефицит! Кто на войне сгинул, кто женился давным-давно.

Глухая-то – кому нужна, тут хороших девок – хоть пруд пруди.

– Ты во всем виновата! – кричит в сердцах Лёлька на мать. – Чево недоглядела? Зачем старухе нянькать отдала? Кому я такая теперь нужна?

– Кабы знать наперед, – отвечала Татiana и украдкой вытирала слезы...

– В райцентр завтра едем, в больницу. – Татiana собирала в сумку какие-то бумаги.

– Чаво я в больнице-то забыла? – удивилась Лёлька.

– Люди сказывают, аппарат слуховой можно заказать, слышать хорошо станешь.

Лёлька светлеет лицом, в глазах плещет надежда:

– А деньги откуда возьмем?

– Вот бычка на мясо сдадим – при деньгах будем. Лёлька, как сумасшедшая, кружится по комнате...

– Ольга Васильевна, вы меня хорошо слышите?

Лёлька от налетевших на нее звуков точно в ступор впала – слова не может вымолвить. Так и сидит перед доктором – открыв рот и выпучив глаза.

– Вижу, что слышите меня хорошо. – Врач понимающе кладет на Лёлькино плечо аккуратную, с розовыми пальчиками, ладонь.

– Слы-ышу-у-у, – растягивая звуки и улыбаясь, отвечает Лёлька.

И в душевном порыве целует врачихе руку...

С этого дня ничего особенно не изменилось в Лёлькиной жизни. Так же, как и прежде, она косит, сеет и пашет за троих. Галька с Веркой уехали в город учиться, младшая, Наташка, была пока при матери. Татiana сильно сдала за последние годы, поэтому все заботы по хозяйству свалились на Лёлькины выносливые плечи. И хотя Лёлька теперь прекрасно слышала, она по-прежнему говорила мало и неохотно, но так же много улыбалась. За годы своей глухоты Лёлька научилась о многом молчать.

– Ольга Васильевна, у вас ни разу не было мужчины, ведь так? – Врач бросила металлический, похожий на шипцы, инструмент на железный столик у гинекологического кресла.

Этот громкий звук металла о металл заставил Лёльку содрогнуться и сжаться от страха.

- Не было, – краснея, выдавила Лёлька.
- Одевайтесь, я выпишу вам направление на операцию.
- Операцию? – Лёлька ощутила сильную дурноту.
- К сожалению, да. Против природы, Ольга Васильевна, не попрешь.
- Где ж их взять, мужиков-то, а, доктор?

Врач неопределенно пожала плечами, дыхла напомаженным ртом на круглую печать, а потом поставила подпись-закорючку в направлении в преисподнюю – на хирургический стол...

Лёлькино лоно, спустя пару недель располосовали вдоль и поперек, а после того, что осталось, сшили суровой медицинской нитью. Живи как-нибудь – не тужи...

- Лёлька, глянь, чево принесла. – Татяна стояла подле кровати прооперированной дочери.

В руках Татианы – блюдце со свежими, источающими аромат сотами.

- Нынче Михайловна угостила... Кушай, тебе надобно, сил набирайся... Ох и мёда в этом году уродилось!

Лёлька опускает указательный палец в янтарную лужицу, растекшуюся по тарелке.

- Новости у нас. – Татяна тщательно подыскивает слова. – Наташка замуж засобиралась.
- Пушай идет, пока берут, а то останется в девках, как я.
- И то правда... У меня и силов-то совсем мало осталось. Сколько ишло отмерено – одному Богу известно, – вздыхает Татяна.

Лёлька отламывает истекающий мёдом восковой кусочек, кладет в рот, жмурится от удовольствия.

- Зорька моя там как?
- Скучает Зорька. Сядешь доить – лягается, к твоим рукам привычная.
- Да, состарилась Зорька, молока все меньше да меньше дает. Куры целы? Коршун, чай, не перетаскал?
- А Жулик-то на што? Не зря кусок хлеба ест – охраняет курок-то. На ноги подымешься – курку зарежем, гостей позовем... А можа, тебе куринный бульон на днях с оказией отправить?
- Можа, отправить, – отвечает Лёлька и отворачивается к стене. – Спать хочу. Ты ехай, мама, домой.
- Ладно, ладно! Отдыхай, дочка...

Бабье лето свалилось нежданно, как снег на голову! Солнце ласкало лучами первую пожелтевшую листву, играло бликами на куполах церкви, золотом чешуи плескалось в реке...

Сегодня Лёлька шла по райцентру в новом крепдешинном платье цвета зрелой вишни. Лёлька достала платье из сундука всего третий раз за всю свою жизнь. Первый раз платье было надевано по случаю праздника Светлой Пасхи, второй раз – на крестины и третий раз – в этот солнечный сентябрьский день.

Лёлька попарилась в бане, по привычке помыла волосы яичным желтком и уложила в красивую прическу: разделила волосы на прямой пробор, заплела две косы и уложила на затылке корзиночкой, закрепив шпильками.

Лёлька приехала в райцентр по делу – «срвать аплодисменты и получить награду» – так сказал председатель колхоза Пантелеев, а он слов на ветер не бросает.

Туфли у Лёльки – одни-единственные, только для особого случая, на низком каблучке, с модной пряжкой, на которой поблескивает медная пуговка. За правым ухом у Лёльки – слуховой аппарат, хитро спрятанный в волосах. Лёлька немного робеет, но виду не подает. Она приехала в райцентр ранним утром – сама Красулю запрягала, сама и погоняла. Фуфайку, да сапоги, да затертые до дыр гамаша оставила у сестры Веры. И хотя одета Лёлька не совсем по погоде – в платье было прохладно, – ее это не смущало, ей было жарко.

А вот и здание Сельхозуправления... Здесь, в актовом зале, примерно через десять минут и состоится награждение передовиков колхоза – доярок, комбайнеров, трактористов.

– Для получения заслуженной награды на сцену приглашается... Ольга Васильевна Прохорова!

Лёлька идет по ковровой дорожке к трибуне, чеканя каждый шаг. А чего ей стыдиться или бояться? На колхозной ферме работает сколько себя помнит...

И Лёлька высоко подымает голову! Лысый дядька в очках крепко жмет Лёлькину руку и вручает ей хрустальную вазу, грамоту, а еще – крупную красную розу. Щёки Лёльки мгновенно становятся такими же пурпурными, как цветок.

– Поздравляю вас. Давайте познакомимся. Меня Митрием зовут.

Только сейчас Лёлька замечает мужчину, сидящего рядом и протягивающего ей, Лёльке, широкую, как лопата, ладонь.

– Дмитрий, механизатор колхоза «Красный Партизан».

Лёлька отшатнулась от незнакомца так, словно ее ударили по щеке.

– Слава людям труда! Ура, товарищи!

Последние слова оратора тонут в грохоте аплодисментов...

Стуча каблучками, Лёлька почти бегом пересекает центральную площадь райцентра. Она топчется к своей Красуле – ей нужно затемно вернуться домой, в родную деревню.

– Ольга, подождите!

Лёльку догоняет запыхавшийся Дмитрий.

– Чево вам?

– Вы с какой деревни, Оля?

– Вам-то какой интерес?.. Михайловские мы.

– А мы – лександровские будем.

Мужчина улыбается, откровенно разглядывая Лёльку и вводя ее в еще большее смущение.

«Беги, дура!» – говорит себе Лёлька, но туфли ее будто вязнут в новеньком асфальте по самый рант.

– Не хотите со мной в столовую? С утра ничего не ел... Там вкусно готовят, ей-богу – не вру.

«На кой ты ему сдалась? – задается вопросом Лёлька. – Старая да глухая».

– А пирожки с ливером вы любите? – не отстает Дмитрий.

На глаза Лёльки неожиданно наворачиваются слезы.

– Некогда мне, Дмитрий. Тороплюсь я, – лепечет Лёлька.

– Ась? Говорите громче – я плохо слышу, – говорит мужчина и прижимает руку к груди, словно извиняясь.

И тут Лёлька вдруг забывает, что буквально пару минут назад пыталась куда-то бежать. Взглянув внимательнее, она замечает за ухом мужчины такую же коробочку слухового аппарата, как и у нее. Лёлька дотрагивается рукой до своей заветной коробочки и громко залиvisto смеется.

Дмитрий оторопело смотрит на Лёльку и тут же становится серьезным, обиженно поджимая нижнюю губу. Лёлька понимает, что сейчас произойдет непоправимое – Дима уйдет из ее жизни так же, как когда-то ушел отец.

Лёлька хватается Дмитрия за руку:

– И у меня! Гляди-ка, и у меня – такая же!

Лёлька быстрым и выверенным движением выхватывает из прически шпильки – все до единой.

Две небольшие косы падают на плечи, выдавая Лёлькин секрет. Дмитрий берет женщину под локоть и уверенным шагом ведет в столовую...

Лёлька вернулась домой далеко за полночь. Мать дремала за накрытым столом, по-видимому, давно. Яйца вкрутую, пол-литра медовухи, чашка свежих помидоров...

– Чево не спишь? – спросила Лёлька осипшим вдруг голосом.

– Гляжу, загуляла ты, девка. – Татiana долгим взглядом смотрит на дочь.

Лёлька, не говоря ни слова, опустилась на табурет.

– Значит, вечерять будем. – Мать плеснула по рюкмам медовухи.

Лёлька залпом осушила рюмку браги, посидела тихо, прислушиваясь к теплу, разлившемуся где-то около сердца.

– Как звать-то?

– Дмитрием.

Мать глянула строго, из-под бровей, потом вдруг крепко обняла Лёльку, притянула к себе, поцеловала в холодный лоб. Потому как непривычна была Татiana к ласкам да телячьим нежностям. Потому как не было у нее времени на эти самые нежности, и выгорели они у нее давным-давно, как и не бывало... А то, что бывало, – давно быльем поросло...

Лёлька забралась на остывшую к утру печь, укрылась овечьим полушубком и провалилась в сон. И снилась Лёльке родная урема, земляничные поляны и бескрайние поля пшеницы. А по этим полям, громяхая колесами комбайна, навстречу Лёльке ехал Дмитрий.

– Здравствуй, Олюшка-а-а! – кричал Дмитрий.

– Здравствуй, полюшко-о-о, – слышалось Лёльке.

– Здравствуй, мил человек...

И слышали они друг друга так же хорошо, словно находились совсем близко, рядышком. Ни шум комбайна, ни свист ветра, ни шелест пшеницы – ничто не могло заглушить поселившейся в душе радости.

Ибо имеющий уши – да услышит.

